

УДК 94(47).083
DOI: 10.17223/19988613/75/11

Д.М. Шиловский, М.В. Шиловский

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг. И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ МЕСТНЫХ ЧИНОВНИКОВ

Рассматривается распространение самогонварения, принявшее в сибирской деревне массовый характер накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Всплеск потребления алкоголя происходит в ходе мобилизации и перевозки призванных из запаса на театр военных действий. Принимают массовый характер грабежи и разгромы винных лавок. Волнения провоцировались началом антиалкогольной кампании, нарушившей традицию проводов мобилизованных, сопровождаемых массовым пьянством. В долгосрочной перспективе затянувшаяся война привела к массовому изготовлению и потреблению самогона и суррогатных спиртных напитков.

Ключевые слова: питейное заведение, самогон, брага, «сухой закон», тайное винокурение, винокуренный «завод»

История производства и потребления алкоголя в России изучена достаточно подробно, рассматривается она преимущественно на основе официальной статистики, которая показывает на умеренное потребление столового вина (по современным понятиям – водки) [1]. Однако официальные данные не включали и не включают результаты кустарного домашнего винокурения, о размерах которого можно только догадываться. Общеизвестно только, что в праздничные дни «низкий показатель потребления казенной водки многократно в это время перекрывался потреблением самогона» [1. С. 1066].

История самогонварения изучена слабо, хотя в период Первой мировой и Гражданской войн, когда на территории империи было запрещена торговля вином, массовое самогонварение стало вопиющим фактом, на который власти были вынуждены реагировать. Авторы настоящей статьи обращаются к роли самогонварения и реакции властей на сей факт в Сибири в период Первой мировой войны.

Традиционно пик потребления спиртных напитков в России приходился на престольные праздники (Рождество, Пасха, Троица, Покров и т.д.). В своих воспоминаниях Г.М. Карнаухов фиксирует: «Пасху праздновали здорово, с размахом, и богатые, и бедные. Самогонка лилась рекой. Все село стонало и орало. Праздничная оргия продолжалась целую неделю. Рану после праздничного разгула и побоищ долго залечивали – примочками, пластырями, травами, мировыми, которые в свою очередь сопровождалась пьянкой и скандалами» [2. Л. 101].

Не менее красочную картину праздничного времяпровождения сельской интеллигенции рисует писатель и этнограф А. Е. Новоселов (1910) на примере казачьей станицы около Усть-Каменогорска: «Вместе с зимой пришли традиционные “пельменники”, и тут я познакомился с “интеллигенцией” поселка... “Пельменники” – это просто непрерывный “выпивон” до положения не только риз, но и самого себя тут же за столом или где-нибудь поблизости. Зимой “зажигали” первым пельменником у начальника почтового отделения... Доминирующее положение на закускомом

форту занимает квасной графин, под пробку наполненный водкой, а вокруг него, как около командующего, толпится штаб: рябиновая эссенция, смородиновая на водке и еще несколько – все “для дома”. Так во всем сибирском войске. На Алтае же к продуктам монополии еще прибавлено медовое пиво, и пользуется оно вполне заслуженным почетом. Хорошо, умело приготовленное пиво превосходно на вкус и не слабее водки; впрочем, крепость зависит от количества хмеля и времени выдержки. Двух стаканов выдержанного в закопанном в землю дубовом бочонке напитка вполне достаточно чтобы свалить с ног солидного мужчину» [3. Л. 35].

В Сибири корчемство было распространено среди русских крестьян повсеместно и практически открыто. Нередко крестьяне оказывали сопротивление акцизным чиновникам и полиции, когда власти пытались закрыть незаконное производство. Так, согласно донесению жандармов, 9 февраля 1914 г. в поселке Татьяновском Бобарькинской волости Томского уезда (120 верст от Томска) крестьяне оказали сопротивление чинам акцизного надзора при конфискации тайного винокуренного завода. В присутствии его владельцев «акцизными чиновниками была произведена пробная выгонка “самосядки”; выкурив одну бутылку, они приказали завод разломать, а аппарат доставить в земскую квартиру» где «стали составлять протокол и производить измерение аппарата для определения количества спирта. Вскоре к квартире стал собираться народ... В толпе раздавались голоса: “Забирайте кадки, бейте их”... Изба была окружена крестьянами... и по требованию толпы чиновники отдали крестьянам трубки от завода, выкуренный спирт и составленный протокол, так как все кричали: “отдайте, а то убьем”». В рапорте указывалось, что в поселении насчитывалось 94 двора, в которых проживало 568 человек, и «все население группами от 20–12 человек занимается тайным винокурением» [4. Л. 1–3].

Вялотекущий процесс ускорился после начала Первой мировой войны. Существенные масштабы он приобрел в ходе мобилизации и перевозки призванных из запаса военнотружущих. Беспорядки в сельской

местности и по линии железной дороги происходили с 19 июля до начала августа 1914 г. Донесения губернаторов, чинов жандармерии и полиции напоминали сводки с полей сражений. Так, в станции Зерендинской Кокчетавского уезда Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, потребовавшая отпуска водки. «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная из села Викторовки, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: “Разбивай лавку”. Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так действовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной, и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей» [5. С. 17].

Грабежи винных лавок имели массовый характер. 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов № 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, понапились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19-го Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп, и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам» [6. Л. 2]. В Мариинске 25 июля того же года мобилизованные в количестве 50 человек ворвались в здание городского полицейского управления, избив находившихся там, разгромили помещение, разорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившихся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева, и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды» [7. С. 283–285]. В Кузнецке «переполнившие город мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили дверь казенного винного склада. Началось массовое пьянство» [8. С. 261].

Перечень можно продолжить. Всего по материалам хроники крестьянского движения в четырех сибирских губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) произошло 157 протестных акций мобилизованных. Из них 136 (86,6%) сопровождалось разгромом торговых и винных лавок [9. С. 107–112]. В советской историографии солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания» [10]. «В настоящее время

подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И.А. Еремин и Т.А. Кижяева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня преобладают два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов» [11. С. 231].

Эмоциональную зарисовку проводов призывников в родном селении воспроизвел Г.М. Карнаухов: «Слово “забрили” – самое ненавистное слово. Оно выражает горе и несчастье как для самого призванного, так и для его семьи. Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. “Забритых” призывников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний нынешний денечек

Гуляю с вами, я, друзья,

А завтра рано, чуть светочек,

Заплачет вся моя семья» [12. Л. 16].

С.Ю. Шишкина справедливо, на наш взгляд, рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких» [13. С. 55–56]. Дополнительным раздражителем пьяных дебошей мобилизованных являлся их возраст. На фронт отправляли прежде всего запасных, т.е. ранее отслуживших в армии мужиков от 30 до 40 лет. В августе-сентябре 1914 г. по империи призвали 3 515 тыс. резервистов и ратников ополчения I разряда только в возрасте 40–43 лет, отслуживших действительную срочную службу [14. С. 9.]. Это были взрослые, семейные, малограмотные мужики, периодически употреблявшие алкоголь.

В долгосрочной перспективе затянувшаяся война привела к массовому изготовлению и, соответственно, потреблению самогона и суррогатных спиртных напитков (денатурированный спирт, одеколон). Официальное запрещение торговли крепкими спиртными напитками последовало 19 июля 1914 г. на период мобилизационной кампании. Указом от 22 августа того же года запрещение продажи алкоголя продлевалось до конца войны. Поскольку многие городские думы и сельские общества направляли ходатайства о полном прекращении продажи алкоголя, положениями Совета министров от 27 сентября и 13 октября 1914 г. муниципалитетам, органам общественного сельского управления

и земствам разрешили в полном объеме прекращать торговлю вином и пивом, а также ограничить выдачу спирта в технических и лечебных целях [15].

В связи с этим в Томской губернии управление акцизными сборами закрыло 200 винных лавок. В Иркутске же к 1 октября 1914 г. их участь разделили 64 казенных винных лавки, а 19 декабря местный муниципалитет решил ходатайствовать навсегда прекратить торговлю в городе крепкими напитками, виноградным вином и пивом. Кое-где подобные решение принимали сельские сходы, например в с. Таштыпском Минусинского уезда [16. С. 24–25]. Однако быстро произошло отрезвление. Ситуацию проиллюстрируем на примере г. Енисейска. Согласно запискам секретаря городской думы М.П. Миндаровского, в 1915 г. муниципалитет решил «ходатайствовать о закрытии на городской территории навсегда заведений, торгующих всякого рода напитками, содержащими алкоголь». Но, «такое решение выносить было преждевременно. Народные привычки проявили себя... На смену монополии появились суррогат в виде самогонки, разрушительно действующей на человеческий организм» [17. С. 260].

Введение «сухого закона» преподносилось властями как панацея. «Водка – вот зло, которое всегда порождало в деревнях и городах ряд преступных выступлений, – декларировал акмолинский губернатор А.Н. Неверов в октябре 1914 г. – Лишь только злой напиток был окончательно изъят из обихода деревенской жизни, все просветлело, все успокоилось, все зажило счастливой, радостной, деловой жизнью» [18. Л. 6 об.–7]. В подобных акциях, как водится, властям казалось возможным в кратчайшие сроки административными методами ликвидировать застарелую болезнь. И енисейский губернатор И.В. Хозиков в донесении от 9 октября 1914 г. оптимистично сообщал: «Хотя за последнее время появилась в продаже взамен водки так называемая “самогонка” значительной крепости домашнего приготовления и другие опьяняющие напитки, но для уничтожения этого зла в самом корне мною преподаны полицейским и врачебным чинам губернии соответствующие указания. Мера эта, в связи с наложением мною на виновных в выделке и продаже опьяняющих напитков и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения суровых административных взысканий, на основании изданных обязательных постановлений, полагаю, со временем окончательно уничтожит последние пережитки народного пьянства» [19. Л. 10 об.].

Прекращение продажи крепких спиртных напитков в условиях сложившейся привычки крестьян к алкогольной релаксации способствовало массовому производству самогона. Поэтому с 1915 г. в губернаторских донесениях тема самогонварения приобретает постоянный и все более озабоченный характер. В частности, томский и.д. губернатора 21 апреля 1915 г. сообщал в МВД: «После состоявшегося запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков в губернии стало замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких масштабах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа суррогатов водочных изделий» [20. Л. 5]. Н.С. Романов примени-

тельно к Иркутску в январе 1915 г. фиксировал: «В бакалейных лавочках прибегают к выделке из денатурированного спирта особой “сибирской” водки под названием “гымырка”» [21. С. 200].

Для интенсификации обозначенного процесса имелись все необходимые условия. В качестве исходного сырья использовалось невостребованное на рынке из-за прекращения экспорта зерно. По подсчетам одного из лидеров сибирских эсеров Е.Е. Колосова, только в Енисейской губернии в рассматриваемое время на изготовление домашнего вина (браги) население ежегодно тратило до 3 млн пудов зерна (48 тыс. т) [22. С. 20]. Совершенствовались технология и материальная база изготовления спиртного. «С начала войны казенная водка перестала существовать, – свидетельствовал Г.М. Карнаухов. – До 17-го года варили пиво. Хмельное. От него пьянели. Пришедшие с фронта солдаты привезли искусство варить самогон. Хлеба было много. Техника (чугунка, горшок, ствол от берданки, корытце со льдом или водой из колодца для охлаждения) постепенно совершенствовалась» [23. Л. 38].

В январе 1915 г. на заимке возле села Стрелковского Енисейского уезда в тайге на месте убийства пристава был обнаружен винокурный «завод», который в протоколе описывался следующим образом: «По тропинке в круче саженях в 50 устроена бревенчатая избушка и в ней две кадки, около 10 ведер в каждой приготовленной браги для гонки вина самосидки и аппарат из кровельного железа, много труб и кадок, все в разобранном виде. Жена убийцы заявила, что чрез два дня началось бы винокурение и что убийца курить начал уже около полгода». Оказавший вооруженное сопротивление с летальным исходом М. Николайчук был «ссылно-каторжным острова Сахалина, по Высочайшему Манифесту приписанный в крестьяне из ссыльных к Маклаковской волости, имеет от роду 37 лет, телосложения крепкого, грамотный, проживает на хуторе около двух лет, получил пособие от казны как хуторянин 125 рублей на заведение хозяйства» [24. Л. 3].

Как менялось отношение иркутян к «сухому закону», можно проследить по дневниковым записям И.И. Серебренникова. 6 августа 1914 г.: «В городе все еще не разрешена продажа спиртных напитков, нет поэтому пьяных на улицах, нет, конечно, и озорства... Запрещение продажи водки – вот в корне решающее вопрос об алкоголизации средство». 19 декабря: «Заседание Думы сегодня затянулось до часа ночи. Рад, что дума постановила возбудить ходатайство о воспрещении в г. Иркутске торговли крепкими напитками, виноградными винами и пивом навсегда... Что-то из этого выйдет?». 30 декабря 1914 г.: «Сегодня Городская дума вновь подтвердила свое постановление от 19 декабря с.г. о воспрещении в г. Иркутске торговли виноградными винами. Губернатором уже отдан приказ об опечатании складов виноградных вин». 23 марта 1915 г.: «Второй день Пасхи... За два дня праздника я не видел на улицах Иркутска ни одного пьяного». 10 апреля 1916 г.: «Праздник Св. Пасхи. На улице как-то сумрачно, холодно. Падают снежок. Гудят колокола. Чаше, чем в прошлом году, встречаешь подвыпивших. Видно, самогонка и маньчжурский пшеничный спирт

не без успеха распространяются по городу» [25. С. 34, 74, 77, 104, 212]. Показательно трагический в этом плане случай произошел в отдаленном Среднеколымске Якутской области, где от употребления одеколona отравились и скончались купеческий сын Н. Бережнов, городской староста Г. Нехорошев и учитель церковно-приходской школы М. Сивцев. В мае 1915 г. они распили два флакона одеколona [26. С. 393].

Несмотря на предпринимаемые правоохранительными органами меры, производство самогона увеличилось. О том, как это выглядело на практике, можно судить по материалам новониколаевской газеты «Алтайское дело» за первые два месяца 1917 г.: 8–9 февраля в ходе облавы на самогонщиков в д. Крутельки Томского уезда у крестьянина Трусова обнаружен «завод», изъято 15 ведер самогонки и около 50 ведер закваски; у крестьянина Тихонова – «завод», 20 ведер самогонки, 50 ведер закваски; Красовского – «завод», 15 ведер самогонки, 20 ведер пива; Габаденко – «завод», 20 ведер самогонки, 60 ведер закваски; Пулятов – «завод», 20 ведер самогонки; Шитько – «завод», 20 ведер самогонки. 3 февраля в д. Березовка Барышевской волости обнаружено 9 самогонных «заводов» и уничтожено 45 бочек и кадок самогона и бражки, «составлено много протоколов, от которых не избежала ни одна семья». В феврале в пос. Кубанском Каинского уезда привлечены к ответственности 20 человек, отобрано 7 винокурных «заводов». Тогда же в Новониколаевске «обнаружен хорошо оборудованный самогонный завод с приспособлением для очистки самогона. Конфискованная изюмная бражка содержит 21 градус спирта, так что самогон должен получиться содержанием 45 градусов, что является своего рода рекордом. По делу привлечена девица Н.Я. Полещук 21 года» [27].

Образно ситуацию на алкогольно-потребительском рынке Томска в начале 1917 г. в поэтической форме раскрыл анонимный автор в одной из местных газет:

«Самосидку ищет нищий,
И рабочий, и студент...
Ищет как голодной пищи
Адвокат-интеллигент.
Ищут все, и все желают
Воротить золотые дни,
Но никто того не знает,
Что вернутся ли они» [16. С. 53].

По мере распространения нелегального винокурения и активизации борьбы с ним властных структур усиливается противодействие нарушителей «сухого закона» вплоть до применения огнестрельного оружия и убийства полицейских, понятых, десятских и сотских. Так, 4 марта 1915 г., после обнаружения акцизным надсмотрщиком «тайного винокурения в аиле Тайлоп Кондомской волости Кузнецкого уезда инородцами сего аила в числе 20 человек было совершено вооруженное нападение, причем из лиц, сопровождавших надсмотрщика, оказались ранеными полицейский сотский Никита Ермоленко и понятые Василий Зезегов и Егор Лисин» [28. Л. 1]. 25 апреля того же года становой пристав у с. Соколовского Кучеровской волости Канского уезда «обнаружил винокурный завод на полном ходу. Когда же полицейские чины намерева-

лись приступить к конфискации завода, то находившиеся в это время около завода крестьяне села Соколовского в числе до 8 человек, укрывшись в чаще леса, открыли по полиции стрельбу. Полицейские урядники бросились на стрелявших, которые начали убежать. Когда за двумя убежавшими погнались урядник Галинат и сотский Доброхотов – один из убежавших начал отстреливаться из револьвера, а другой, будучи настигнут, намеревался ударить Галинага топором, но подоспевший сотский Доброхотов ударом ружейного приклада по голове успел его сбить с ног, после чего сдался и бежавший впереди с револьвером» [20. Л. 8]. Согласно донесению томского губернатора «в начале декабря месяца [1916 г.] в деревне Мало-Бобарыкиной той же волости Томского уезда толпой крестьян в числе около 150 человек было совершено нападение на местных полицейских урядника и стражника, прибывших в эту деревню для обнаружения тайного винокурного завода, причем у стражника насильниками отнято было оружие, а самому нанесены побои; в отношении же полицейского урядника толпа ограничилась угрозами избияния» [Там же. Л. 20].

В целом введение «сухого закона» не уменьшило потребления алкоголя. «Стараясь сократить число питейных заведений и уничтожить частную легальную торговлю, – справедливо замечает А.Г. Быкова, – государство фактически способствовало нелегальному производству и продаже спиртных напитков низкого качества. Разрешение продажи спиртных напитков в заведениях трактирного типа создало новые очаги пьянства и разгула. Поэтому данная реформа не принесла ожидаемых результатов в плане снижения пьянства, а еще больше осложнила положение русского населения» [29. С. 264].

Енисейский губернатор Я.Г. Гололобов в мае 1915 г. с большой тревогой доносил в МВД: «...Тайное винокурение приобретает характер все более и более развивающейся злокачественной язвы на народном организме, требующей безотлагательного принятия экстренных мер, дабы не свести к нулю все благодетельные последствия прекращения продажи спиртных напитков. Несмотря на то, что борьба с тайным винокурением ведется наличными и полицейским властями с полным напряжением сил, несмотря на сотни составленных протоколов, по которым налагаются в силу обязательных постановлений высшие меры взысканий, тайное винокурение продолжает развиваться, уходя в глухую тайгу, где обнаружение тайных заводов почти невозможно... Но существующий состав полиции (напр. в Канском уезде один становой пристав на 80 тыс. жителей, большинство коих принадлежит или к числу ссыльных, или к неосевшему и неустойчивому элементу, каким являются переселенцы – главные распространители «самогонки») оказывается подчас совершенно бессильным, так как сельские власти в лице сельских старост и волостных старшин, из боязни мести со стороны односельчан, в лучшем случае отзываются незнанием мест и лиц, производящих тайное винокурение. На почве открытия таковых заводов в Енисейской губернии за короткое время убит становой пристав в Енисейском уезде, изувечен уряд-

ник в Канском уезде, а также раскрыто несколько убийств и избиений лиц, заподозренных населением в донесении о производстве винокурения; наконец, в минувшем месяце в Канском уезде необходимо отметить случай вооруженного сопротивления чинам полиции при открытии тайного винокурения» [30. Л. 6 об.–7].

Что касается социальной и национальной принадлежности самогонщиков, то, согласно информации высокопоставленных чиновников Енисейской губернии, таковыми являлись переселенцы, ссыльнопоселенцы и те же переселенцы из числа представителей диаспор, прежде всего западных. В донесении вице-губернатора в Департамент полиции МВД от 11 декабря 1915 г. отмечается, что «есть селения, особенно с латышским населением, в коих жители занимаются этим преступным промыслом почти поголовно» [31. Л. 14 об.]. В секретном отношении, датированном апрелем того же года, констатируется: «...Кары, предусмотренные обязательными постановлениями до трех месяцев ареста, недостаточны в сравнении с соблазном, представляемым в виде прибыльного промысла выкурки вина из хлеба, которою занимаются главным образом переселенцы, которые на получаемые от казны ссуды обзаводятся тайными винокурными заводами в глухой тайге, где они почти совершенно ускользают от полицейского надзора, попадаясь лишь при провозе выкурного вина, расцениваемого до 3 рублей за бутылку» [30. Л. 5 об.].

Расписавшись в собственном бессилии, местные власти начали просить правительство ужесточить наказание за самогонование, увеличить штаты полиции, использовать чрезвычайные меры и т.д. Например, енисейский вице-губернатор 11 мая 1915 г., кроме того, предлагал безотлагательно увеличить число полицейских, ввести институт стражников, высылки «занимающихся тайным винокурением в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ». Упомянутый выше чиновник полагал: «Единственной же радикальной мерой пресечения зла тайного винокурения я считаю установление круговой ответственности всего сельского общества за обнаруженные в их пределах заводы, с наложением на все

общество соответствующих штрафов, часть коих шла бы на содержание стражи, а другая часть употреблялась бы на просветительные учреждения в деревне» [Там же. Л. 7 об.].

Среди прочих мер борьбы с тайным винокурением предлагалось «ходатайствовать об усилении для этой цели состава полиции и акцизного надзора, об увеличении вознаграждения за открытие нарушений Акцизного устава, о временном поселении в очагах тайного винокурения чинов акцизного надзора, с привлечением в некоторых случаях для обнаружения винокурения воинских частей и, наконец, о высылке занимающихся тайным винокурением лиц в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ» [Там же. Л. 16 об.]. Наконец, наиболее эффективным средством борьбы с массовыми проявлениями самогонования местные чиновники считали «ввиду особо дерзкого характера преступления – изъятие дел из общей гражданской подсудности и о передаче таковых военному суду для суждения по законам военного времени» [28. Л. 8 об.; 30. Л. 7–7 об.].

Таким образом, период с конца XIX в. в Сибири характеризуется нарастающим потреблением алкоголя в городе и деревне. Ситуация обостряется с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. Наряду с такими факторами тыловой повседневности, как дороговизна, тотальный дефицит, рост преступности и т.д., поступательно распространяются пьянство и самогонование. Вместе с активизацией нелегальных радикальных формирований в совокупности перечисленные факторы обусловили системный кризис императорской России. Сложившуюся ситуацию и прогноз предстоящего социального катаклизма кузнецкий исправник изложил в рапорте от 4 февраля 1916 г. Перечислив основные элементы кризиса (тайное винокурение, хулиганство, дороговизна, уклонение от воинской службы, сокращение налоговых поступлений), он заявил: «Все это, вместе взятое, создает причины для некоторой части общества враждебно относиться к чинам полиции и высказывать свое предположение о том, что по окончании войны вспыхнет революция и население при помощи возвратившихся запасных расправится с чинами полиции» [32. С. 261].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П., Фалилеев Д.А., Суляк С.Г. Потребление вина в России и Сибири в начале XX века // Былые годы. 2017. Т. 45, вып. 3. С. 1063–1072.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147.
3. ГАНО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 262.
4. Государственный архив Российской Федерации. Департамент полиции. Особый отдел (ГАРФ. ДП ОО). 1914. Д. 72. Ч. 43.
5. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
6. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 138. Ч. 20.
7. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 734 с.
8. История Кузбасса. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. Ч. 1, 2. 378 с.
9. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. : хроника и историография. Новосибирск : Наука, 1987. 352 с.
10. Храмов А.А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научных и исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1958. С. 56–73.
11. Еремин И.А., Кизжаева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края. XVII–XX вв. : науч. и документ. материалы. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 225–237.
12. ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146.
13. Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914 год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 54–62.
14. Россия в войнах XX века : стат. исследование. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

15. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
16. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск : Сиб. ин-т полит. истории, 2013. 385 с.
17. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935. Красноярск : Поликор, 2009. 512 с.
18. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 139. Ч. 1.
19. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 108. Ч. 20.
20. ГАРФ. ДП ОО. 1915. Д. 108. Ч. 77.
21. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924. Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
22. Звягин С.П. Колчак не справился... Белогвардейские власти и тайное винокурение // Сибирская старина. 1996. № 11. С. 19–21.
23. ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144.
24. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 6.
25. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары : дневник 1914–1918 гг. Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
26. Якутия : Хроника. Факты. События. 1613–1917 г. / сост. А.А. Калашников. Якутск : Бичик, 2000. 412 с.
27. Алтайское дело. 1917. 15, 16, 25 февр., 2 марта.
28. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 7.
29. Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в Российской империи XIX – начало XX в. Омск : ОмГУ, 2006. 312 с.
30. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 108. Ч. 20.
31. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 1.
32. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 3. 320 с.

Denis M. Shilovskiy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: awlsome@gmail.com

Mikhail V. Shilovskiy, Novosibirsk National Research State University; Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ALCOHOL ISSUE IN SIBERIA ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1918) AND ITS PERCEPTION BY THE LOCAL OFFICIALS

Keywords: pub, samogon, home brew, "dry law", illegal alcohol-distillation, wine distillery.

In the article the authors aim at sketching out the situation with the production of home brew in the region during the First World War (1914–1918) and the provincial authorities' ensuing reaction. This task has been completed for the most part by the use of such sources as the governors' reports and accounts found in the fonds of the Special Section of the Police Department of the MVD (Ministry of Internal Affairs) in the State Archive of the Russian Federation. The collected data has been analyzed using the comparative historical and structural-functional methods.

The small-scale process of alcohol abuse became more noticeable during mobilization and transportation of the drafted reservists at the early stage (from July, 19 to the beginning of August, 1914) of the First World War (1914–1918). In the long term, the prolonged war led to the large-scale preparation and, as a consequence, consumption of home brew and surrogate alcohol, produced in amateurish way, especially in the rural areas. On July, 19, 1914 sales of strong alcoholic drinks were officially banned for the period of general mobilization. This ban was extended until the end of the war according to the decree from August, 22 of the same year. On September, 27 and October, 13, 1914 the Council of Ministers authorized the local self-government bodies to ban the wine and beer sales completely. Introducing the "dry law», the local authorities presented it as a panacea. However, the ban of strong drinks sales led to the large-scale production of home brew. As a result, since 1915 the bootlegging had been an issue of constant concern in the governors' reports. In the region, there existed all reasons for the intensification of this process. Peasants used grain that had not been sold in the market due to the suspension of exports as a feedstock. For the construction of wine distilleries, they had all necessary "technological" equipment: heating spirals, metal containers (cauldrons, buckets, water tanks). In spite of the undertaken measures home brew making increased. As the illegal alcohol-distillation spread and counter-measures of authorities became more active the resistance of those who violated dry law also intensified and included even the use of firearms and the killing of the policemen, witnesses, village policemen and constables (*desyatskiye* and *sotskiye*). According to the information from the senior officials of the Yeniseysk province, the majority of bootleggers were from among the exile settlers and resettlers. Acknowledging their own weakness local authorities started to ask the government to increase penalties for home brew and to enlarge the number of police personnel. Officials believed that the most effective tool in suppressing the bootlegging was to refer such cases to the military courts and try them according to wartime laws. The authors believe that the situation with the production and use of moonshine in Siberia worsened with the outbreak of the First World War of 1914–1918. The alcohol issue, along with other factors of internal order and military failures, contributed to the strengthening of the systemic crisis of imperial Russia.

REFERENCES

1. Zinoviev, V.P., Falileev, D.A. & Sulyak, S.G. (2017) Potreblenie vina v Rossii i Sibiri v nachale XX veka [Wine consumption in Russia and Siberia in the early 20th century]. *Bylye gody*. 45(3). pp. 1063–1072.
2. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 147.
3. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 272. List 1. File 262.
4. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 1914. File 72. Part 43.
5. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibiri* [World War I in 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
6. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 1914. File 138. Part 20.
7. Ermolaev, A.N. (2008) *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [The Provincial Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Okladnikov, A.P. (1967) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo.
9. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachnyy, A.N. (1987) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1914–1917 gg.: khronika i istoriografiya* [The peasant movement in Siberia in 1914–1917: the chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
10. Khramkov, A.A. (1958) Krest'yanskije volneniya v Tomskoj gubernii v dni vseobshchey mobilizatsii v iyule 1914 g. [The peasant unrest in the Tomsk province during the days of general mobilization in July 1914]. In: *Sbornik nauchnykh i issledovatel'skikh rabot kafedr obshchestvennykh nauk* [The Collection of Research Papers of the Departments of Social Sciences]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 56–73.

11. Eremin, I.A. & Kizhaeva, T.A. (2005) *Altay v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Altai during the First World War (1914–1918)]. In: *Istoriya Altayskogo kraya. XVII–XX vv.* [History of the Altai Territory. The 17th – 20th centuries]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 225–237.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 146.
13. Shishkina, S.Yu. (2000) *Voyna i obshchestvennye nastroyeniya: 1914 god* (na materialakh Tobol'skoy gubernii) [The War and public sentiment: 1914 (based on the materials of Tobolsk province)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. 4. pp. 54–62.
14. Krivosheev, G.V. (ed.) (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka* [Russia and USSR in the wars of the twentieth century]. Moscow: OLMA-PRESS.
15. Pashkov, E.V. (2010) *Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The temperance campaign in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 80–93.
16. Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan v voenno-revolyutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Everyday life of citizens in the military-revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Siberian Institute of Political History.
17. Mindarovskiy, M.P. (2009) *Eniseysk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo 1891–1935* [Yeniseisk in the notes by Mikhail Prokopyevich Mindarovskiy, 1891–1935]. Krasnoyarsk: Polikor.
18. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1914) File 139. Part 1.
19. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1914) File 108. Part 20.
20. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 108. Part 77.
21. Romanov, N.S. (1994) *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924* [The Irkutsk Chronicle for 1902–1924]. Irkutsk: Vost.-sib. kn. izd-vo.
22. Zvyagin, S.P. (1996) *Kolchak ne spravilsya... Belogvardeyskie vlasti i taynoe vinokurenje* [Kolchak did not cope ... The White Guard authorities and secret distillation]. *Sibirskaya starina*. 11. pp. 19–21.
23. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 144.
24. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 6.
25. Serebrennikov, I.I. (2008) *Preterpev sudeb udary: dnevnik 1914–1918 gg.* [Suffering the blows of fate: a diary 1914–1918]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov.
26. Kalashnikov, A.A. (ed.) (2000) *Yakutiya: Khronika. Fakty. Sobytiya. 1613–1917 g.* [Yakutia: Chronicle. Data. Developments. 1613–1917]. Yakutsk: Bichik.
27. *Altayskoe delo*. (1917) 15th February.
28. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 7.
29. Bykova, A.G. (2006) *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie proizvodstva i prodazhi alkogolya v Rossiyskoy imperii XIX – nachalo XX v.* [The state-legal regulation of the production and sale of alcohol in the Russian Empire in the 19th – early 20th century]. Omsk: Omsk State University.
30. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 108. Part 20.
31. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 1.
32. Shulga, T.V. (ed.) (2015) *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the First World War]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.